

Яна СОКОЛОВА

Алла Николаевна Сивашова-Богословская — композитор, жена композитора. «Уникальный случай, — говорит Никита Владимирович, — подобные примеры в истории встречаются крайне редко».

— Я не хотела бы выступать в роли супруга знаменитости, но я готова выступить как сама знаменитость! — заявляет Алла Николаевна в начале нашей беседы. Тем не менее интервью это, конечно, в основном посвящено Богословскому. Алла Николаевна рассказывает о патриархе, подробностях их взаимоотношений и фактах совместной истории охотно и в лицах. Еще Алла Николаевна традиционно угощает васу корреспондентку мороженым. Показывает новый спортивный костюм, советует обязательно при случае приобрести тренажер для бега, о котором она давно уже мечтает.

Никита Владимирович в мероприятии участия не принимает. Уходя, я наблюдаю его в кабинете, читающим газету.

— Я родилась и жила в Казани, училась там в школе при консерватории. Училась на скрипке очень хорошо. Меня наградили путевкой в Артек, и впервые в жизни я попала в Москву — в Москве была пересадка. Прямо к вокзалу подошел экскурсионный автобус, и целый день нас возили по знаменитым местам. Я увидела все и совершенно влюбилась в Москву, смертельно, до слез.

А вот когда я поступала в Ленинградскую консерваторию, то была увлечена Гоголем. «Невский проспект» рождал в моей голове фантазии, чувства, эмоции. К тому моменту я ни разу не была в Ленинграде, но Гоголь почему-то пересилил. В консерватории я скрипку оставила. Сидеть в оркестре совсем не хотелось: очень честолюбивая. Выучилась на композитора. О Москве мечтала всю жизнь. Отжив двадцать лет в Ленинграде, я эту идею не забросила и в один прекрасный день сказала: все! Баста! Я переезжаю в Москву. В Ленинграде стало тесно, хотелось шири, простора московского, славы, известности. За пять дней я оформила переезд, обмен квартиры. Первые годы в Москве были многообещающими. Во всех отношениях. Меня узнали все знаменитые композиторы, которые вершат наши судьбы. Начались концерты, выступления, записи на радио, фестивали. Московские исполнители стали меня узнавать, исполнять мои произведения. И тут — бац! — случилась перестройка. Как все изменилось, всем известно.

— Алла Николаевна, как все-таки произошло ваше знакомство с Никитой Владимировичем?

— Богословский меня знал. Знал, что зовут меня Алла, фамилия Сивашова, и что я приехала из Ленинграда.

Встретились мы на какой-то вечеринке, где были все наши выдающиеся композиторы, и я попала в эту славную компанию. Все расслаблялись. И Богословский стал совершенно нахально за мной ухаживать, соревноваясь при этом с Фрадкиным, покойным ныне. Я не собиралась предпринимать никаких ответных действий и еле отговорила Никиту Владимировича подвезти меня на машине до дома, мотивируя это тем, что я должна остаться и помочь хозяйке.

Потом у Никиты Владимировича умерла жена Наталья Ивановна, с которой он прожил 37 лет, и три года он был один, мало появлялся в Союзе композиторов. И вот однажды, это был 1992 год, 7 сентября — день рождения моей дочери Марины, она в этот день болела, я заехала в Союз по каким-то своим делам и стала очень торопиться домой к дочке. И стоит на улице Богословский и с кем-то разговаривает. Я пролетела мимо как вихрь, но была им остановлена, можно даже сказать схвачена за руку. И... какой-то интерес опять, блеск в глазах. Как дела? Все отлично. Пытаюсь высоводиться, от меня не пускает. Говорит: приходите в гости. Я, чтобы быстренько отвязаться, говорю: когда? В понедельник. Хорошо. Я позвоню вам в 12.

Вот, собственно, и все. В 12 часов я позвонила, он меня ждал. Спросил, хочу я прийти к обеду или к ужину. Что вы будете пить? Все, что выше 40 градусов. И к восьми вечера я пришла к нему. Был накрыт стол. Знаменитые соиски, которые он обожает, картошка, белая жидкость выше 40°. Ну и все, завязался наш роман. Через две недели я переехала к нему.

— По идее, потом Никита Владимирович должен был сделать вам предложение. А это как случилось?

— Был хмурым день. Зима подкрадывалась. Наверное, декабрь. Снег. Холодно. Я сидела, закутавшись во что-то, перед телевизором. Входит Богословский, говорит: встань, повернись ко мне спиной. Я незамедлительно все это исполнила. И он накинул на меня что-то мягкое и пушистое. Мне стало тепло. Я повернулась к зеркалу и увидела роскошную шубу. Я говорю: ой! Я не могу это от вас принять. С какой-то стати? А он отвечает: а вот с такой стати, что садись и выслушай меня. И Никита Владимирович сказал, страшно волнуясь: я хочу, чтобы ты была моей женой. Ты согласна?

Конечно же, я была согласна.

— Шутник Богословский вас разыгрывает?

— Обязательно! Рассказать? Однажды я прихожу домой, а на дверях висит объявление «Здесь живет секс-символ подъезда». С объявлениями он вообще преуспел. В другой раз — «Продам мужа за СКВ», написано зе-

Продам мужа за СКВ

Лена ОФРОДА

«Секс-символ подъезда» Никита Богословский отмечает 86-й день рождения

леними фломастерами, красными. Яркое и заметно не только для меня, а для всех, кто в тот день проходил мимо нашей двери. И еще одно было «Похудеть!» и четыре восклицательных знака. Похудеть я мечтаю всю свою жизнь.

— А вы пытались разыгрывать Никиту Владимировича?

— Один раз получилось. Всем известно, что Никита Владимирович не очень хорошо слышит. Однажды я зашла в другую комнату и по мобильному телефону набрала наш номер. Он берет трубку, я, изменив голос, ему говорю (Алла Николаевна широко раскрывает глаза и переходит на писк): — Здравствуйте, Никита Владимирович, вам звонит ваша доброжелательница.

— Я вас слушаю.

— Никита Владимирович, вы такой знаменитый, всеми любимый, уважаемый человек, написавший столько прекрасных песен. Все знают, об этом писали в газете, что вы женились... Но на такой недостойной женщине! Которая вас обманывает... Не далее как сегодня я видела ее с посторонним мужчиной, он держал ее в тесных объятиях, и они, извините за выражение, целовались на глазах у всех в парке! И сейчас она у него, Никита Владимирович! Мне просто вас жалко!

На что он отвечает:

— Может быть, вы ошиблись, потому что моя жена сейчас дома и, если хотите, вы можете с ней поговорить...

— Наверное, она уже успела прийти. Но обратите внимание, проследите, куда она ходит, отлучается. Всего вам доброго!

И, произнося последнюю фразу, я вхожу в комнату и договариваю, глядя ему в глаза. Никита Владимирович очень смеялся и говорил, что во мне интриганские и аферистские способности тоже имеют место быть.

— В чем прелесть вашего совместного существования?

— Прелесть в том, что мы с Богословским говорим на одном языке. Это качество не такое уж частое в семейной жизни. Духовная связь встречается довольно редко. Обычно приходится наблюдать совсем чужих людей, связанных бытом, детьми, какими-то материальными подсчетами. А когда дело касалось личности, я видела одно лишь насилие над личностью. Теперь вопрос, очевидно, будет: а в чем не прелесть?

— Давайте так, если вы готовы ответить и на этот вопрос.

— А почему бы и нет! Я много думала на эту тему. Только не подумай, Яночка, что я скажу — разница в возрасте. Ничего подобного. Разница в возрасте не играет вообще никакой роли. Тем более меня с детских лет тянет к мужикам старше меня лет эдак на сто. И амплитуда эта не уменьшается. Дело не в этом, а в том, что Никита

Владимирович, при том, что он такой маленький, он весит 60 килограммов с шапкой и в ботинках на платформе, человек очень властный, очень любящий себя и не терпящий никаких не только возражений, а даже робких замечаний моих. У нас были очень серьезные моменты, когда я садилась и спрашивала себя: «Так! Что это я тут делаю? А не задержалась ли я в этом доме?». Но здесь вступает в силу, очевидно, чувство долга. Быть женой Богословского — это миссия. Он простой человек. Неординарный. И то, что Бог именно меня послал ему в жены, я считаю, тем самым, судьба приказала мне где-то наступать на собственное горло.

— А как дети участвуют в ваших отношениях?

— Моя дочь Марина живет за границей, учится там. Приезжает в Москву в гости, в год где-то на месяц. Она никак в наших отношениях не участвует. Учится в университете города Хайфа, факультет — «Всемирная история искусств», там преподавание на английском, иврите и латыни. Сын Никиты Владимировича, Андрей, живет в Москве, иногда приходит к нам обедать. Потом они общаются с отцом. О чем они говорят, я не знаю, я стараюсь им не мешать.

— Как вы участвуете в работе Никиты Владимировича?

— Самым непосредственным, тесным и невероятным образом. В моем лице он нашел и жену, и хозяйку дома, и водителя большой машины — «Волги». И секретаря. Я отвечаю на вопросы, на которые он не считает нужным отвечать или ленится. Я и директор. Я знаю Никиту Владимировича, наверное, больше, чем самое себя. Поэтому наперед знаю, что он ответит, и чтобы не огорчать людей, — а ответить он может очень резко, — и чтобы люди не упали в обморок от такого ответа, я иногда принимаю эту миссию на себя.

— Никита Владимирович показывает вам то, что он пишет?

— Когда он что-то напишет, а пишет он очень много, он всегда показывает мне и, кажется, считается с моим мнением. Никита Владимирович хоть и говорит, что ленив, работает все время. Он без работы не сидит ни одной минуты. Не может смотреть в окно или в потолок. Ему некогда: он читает или пишет, или слушает музыку, что тоже работа. Зачитает мне что-нибудь и говорит: «Мне кажется, что это слишком! А ты давай еще подбавь!».

Как цензор я позволяю Богословскому все.

— Сложно ли быть супругой великого композитора?

— За семь лет совместной жизни мне этот вопрос задавали раз...

— Раз сто?

— Раз семьсот!